

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЙ РАБОВ, НАПИСАННЫХ АВТОРАМИ-ЖЕНЩИНАМИ
Ю. Л. Сапожникова

CHARACTERISTIC FEATURES OF SLAVE NARRATIVES WRITTEN BY WOMEN
Y. L. Sapozhnikova

Статья посвящена рассмотрению историй рабов, написанных авторами-женщинами, и выявлению основных особенностей, которые отличают их от произведений того же жанра, вышедших из-под пера писателей-мужчин. Основным методом анализа является сопоставительно-стилистический. В первую очередь, авторы-женщины привлекают внимание к невозможности отразить в тексте весь опыт рабынь вследствие деликатности многих его аспектов. Другой значимой особенностью данных произведений является особый акцент на важности семьи и связей со своим культурным сообществом, а также огромной роли устной речи в жизни рабов. Большинство рабынь формирует собственную идентичность под влиянием своей семьи и культурного наследия всей общины; истинная вера становится еще одним утешением в их тяжелой жизни.

The paper is dedicated to the study of slave narratives written by women and to the determination of the main peculiarities that set them apart from the works of the same genre written by men. The main method of analysis is the comparative-stylistic one. The first thing that women writers draw attention to is the impossibility of the complete description female slaves' experience on account of the delicate character of its different aspects. Another peculiarity is connected with the special emphasis that women writers lay on family, and the links with the cultural group, as well as the immense role of oral speech in their lives. Most female slaves form their identity under the influence of their kin and the cultural heritage of their community, besides, faith becomes another consolation in their hard lives.

Ключевые слова: афро-американская литература, истории рабов, рабство, семейные узы, материнство, устная речь, вера.

Keywords: African American literature, slave narratives, slavery, family ties, motherhood, oral speech, faith.

Первыми произведениями, которые заложили основу афро-американской литературы, стали истории рабов. Это автобиографические повествования, рассказанные белым переписчикам-редакторам или написанные самими беглыми или освобожденными рабами. По мнению историков, общее количество материалов в разных формах, написанных в этом жанре, составляет около 6000 свидетельств [8]. Таким образом, этот жанр в целом представляет собой основополагающую традицию в афро-американской литературе и культуре.

Многие особенности построения и содержания переходили из одного повествования в другое, т. к. сначала аболиционисты помогали авторам построить свои рассказы с оглядкой на известные тогда литературные жанры, а кроме того беглые/освобожденные рабы, которые собирались писать историю своей жизни, знали произведения своих братьев и многое сами перенимали друг у друга. Однако некоторые особенности этих произведений связаны с гендерной принадлежностью автора и встречаются в основном либо в повествованиях, вышедших из-под пера мужчин, либо женщин.

В нашем исследовании мы пытаемся выявить идейно-художественные особенности историй рабов, написанных авторами-женщинами, уделяя особое внимание содержательным составляющим их произведений и останавливаясь на отдельных формально-стилистических аспектах их произведений, если последние способствуют более глубокому пониманию определенных тем и мотивов. Для достижения данной цели использовались сопоставительно-стилистический метод, мотивный анализ и биографический метод. Материалом исследования послужили повество-

вания М. Принс (1831), Странствующей Истины (1850), У. и Э. Крафтов (1860), Л. Пике (1861), Э. Кекли (1868), Ш. Брукс и других рабов (1890). Рассмотрев данные произведения можно выделить ряд общих черт, характерных для большинства из них.

Сначала следует отметить те характеристики, которые роднили все повествования, вне зависимости от гендерной принадлежности автора. В первую очередь, это направленность рассказа на белого читателя, обращение к Библии и интерес к проблеме самоидентификации [1]. Кроме того, важным как для авторов-мужчин, так и женщин, становится использование метафор из животного мира и их пересмотр, а также тезис о разрушительном воздействии рабства на всех, и хозяев, и рабов.

При этом однако писательницы замечали, что многое, касающееся, прежде всего, жизни рабынь, все ещё было скрыто, а потому требовало правдивого освещения (...the veil of mystery must be drawn aside [5, p. xiv]; they put a cloak about the truth [9, p. 23]). Такая задача была очень сложна для авторов-женщин, так как от них требовалось соблюдение правил приличия. Неудивительно, что, представляя читателям ту или иную бывшую рабыню, от имени которой идет повествование, белые редакторы, в первую очередь, отмечали ее порядочность и добродетельность (a ...meritorious woman <...> retained her moral integrity [7, p. v] – о Странствующей Истине; a ...conscientious, and Christian woman [6, p. 5 – 6] – о Луизе Пике; a ...respectable woman [9, p. 26], remarkable for decency and propriety of conduct--and her delicacy [9, p. 35] – о Мэри Принс). Поэтому, следуя негласному требованию деликатности, женщины вынуждены были умалчивать о некоторых фактах, при этом они дают объяс-

нения причин, толкнувших их на укрывательство данных о собственной жизни (ведь другим важным принципом построения повествований была правдивость, точное отражение фактов биографии). Странствующая Истина в своем рассказе называет следующие причины замалчивания отдельных тем в описании:

1) люди, о которых идет речь уже умерли, но автор не хочет оскорбить их, ни в чём не повинных родственников или друзей, которые еще живы;

2) описываемые события по своей природе не предназначены для выставления на всеобщее обозрение, они слишком деликатны;

3) наконец, отдельные стороны жизни рабов могут показаться белым читателям слишком неправдоподобными, что подорвет их доверие ко всему рассказу в целом [7].

Два первых объяснения встречаются и в других историях рабов, написанных женщинами. В повествовании Луизы Пике по первой из названных причин не даны полные имена ее хозяев, только инициалы, Мэри Принс идет по такому же пути и не называет троих хозяев, которые все еще живы и чьих родственников ее рассказ мог бы обидеть. Второе объяснение чаще всего встречается в сценах, где упоминаются: либо факт использования самой ужасной брани, которую хозяева адресовали им, либо непристойные предложения со стороны хозяина, либо конкретные наказания, которые не могут быть описаны в подробностях из-за того, в какой части тела наносились раны. Вследствие названных ограничений истории рабынь оставались неполными, в чём они с горечью признавались (*But the half cannot be told* [4, p. 56] – в истории Шарлоты Брукс; *...we must pass over in silence* [7, p. 30] – у Странствующей Истины; *...let charity draw around him the mantle of silence* [5, p. 50] – у Элизабет Кекли). В историях рабынь умолчания касались, в первую очередь, обычного на Юге принуждения темнокожих невольниц к сексуальным отношениям с хозяином. Если в результате такой связи не появлялись дети, то авторы предпочитали вообще не упоминать об этом факте (это однако не гарантировало того, что об этом не скажет один из свидетелей в подтверждающем письме – история Мэри Принс). Если же у рабыни появлялись дети от белого, то в своем повествовании она пыталась перенести всё внимание с факта своего грехопадения на аспект материнства, что тоже объяснялось необходимостью помнить о правилах благопристойности (*Suffice it to say, that he persecuted me for four years, and I--I--became a mother* [5, p. 39] – у Элизабет Кекли; *"...Mr. Williams told me what he bought me for, soon as we started for New Orleans."* – *"Had you any children while in New Orleans?"* – *"Yes; I had four."* – *"Who was their father?"* – *"Mr. Williams. <...> Every body knew I was housekeeper, but he never let on that he was the father of my children"* [6, p. 19] – у Луизы Пике). Возможно, по этой же причине, чтобы не ранить деликатные чувства белых читательниц, авторы-женщины не так часто и подробно, как писатели-мужчины, описывают физические муки, порки и избиения, через которые проходили рабы, а больше говорят о страданиях душевных (*Virtue and self-respect were denied them* [4, p. 1] – в истории Шарлоты

Брукс; *...to subdue what he called my "stubborn pride"* [5, p. 36] – у Элизабет Кекли). Однако при этом, несмотря на определенную скрытность, нужно было показать, что всё описанное – не выдумка, а реальность. Чтобы убедить читающую публику в достоверности излагаемого упоминались отдельные конкретные имена, географические детали, которые чаще всего подтверждались прилагаемыми к повествованию документами, а редакторы этих произведений постоянно подчеркивали, что слова рассказчиков были точно переданы.

Семья обретает в повествованиях, написанных рабынями, первостепенное значение. Прежде всего, это касается фигуры матери. Авторы-мужчины, конечно, тоже говорят о своих матерях, но они чаще всего ограничиваются простыми фактами, особенно в главах, рассказывающих о происхождении (это объяснимо, т. к. детей отрывали от их матерей в раннем возрасте, а затем обычно продавали всю семью, разбивая ее). Писательницы однако показывают прежде всего эмоциональный аспект связи с матерью, даже если у них не было возможности жить с ней на одной плантации, мать постоянно незримо присутствовала в их жизни. Например, мать Салли Смит (*Sallie Smith*) умерла, когда девочка была еще ребенком, но она вспоминала молитвы, которые слышала от нее, повторяла их, и ей казалось, что мать находится рядом и говорит с ней [4]. Луиза Пике рассказывала, что когда ей очень сильно чего-то хотелось, мать всегда приходила к ней во сне и одаривала ее желаемым. Ради матери Луиза Пике ездила по нескольким штатам и собирала деньги на ее освобождение. В повествованиях, написанных рабынями, часто возникают образы и других родственников – братьев и сестер (Странствующая Истина встретила со многими из них после освобождения и подробно описывает их и свои чувства при встрече), дядюшек и тетушек (Э. Кекли). Зная о значимости семьи для рабов, белые использовали слова, обозначающие родственные отношения, по отношению к рабам и подчеркивали семейственный характер рабовладельческой системы, когда все невольники были “детьми” добрых благодетельных белых “родителей”. Эта особенность отражена во многих классических историях рабов, написанных как мужчинами (*...every man slave is called boy till he is very old, then the more respectable slaveholders call him uncle. The women are all girls till they are aged, then they are called aunts* [3, p. 77] – у Крафтов), так и женщинами (слова белой: *I love Lizzie next to mother. She has been a mother to us all* [5, p. 259] – у Э. Кекли). Не во всех повествованиях однако этот аспект освещается с иронической/сатирической точки зрения, часто авторы просто констатируют сам факт такого поведения хозяев.

Важность семьи для рабынь выводит на первый план тему материнства. В связи с существовавшими условиями, когда негрятки считались лишь животными-производителями и белые отрицали существование у рабынь какой-либо привязанности к детям, материнство также превращалось в испытание. Поэтому некоторые писательницы говорят о том, что не хотели рожать детей, зная, что они тоже станут раба-

ми (Э. Кекли), другие наряду с горечью потери ребенка испытывают и радость за него, так как, по их мнению, с Богом на небе им лучше, чем с матерью на земле (Ш. Брукс). Данная идея реализуется в тексте, в том числе, и в излюбленной метафоре всех авторов историй рабов, когда рабство приравнивается к смерти. Во многих повествованиях первых темнокожих писателей можно найти использование известного лозунга Патрика Генри "...дайте мне свободу или смерть!" ("...give me liberty or give me death!") в применении к положению рабов. Авторы постоянно подчеркивали, что если нет свободы, то лучше умереть. С этим напрямую связано описание превращения, которое, по мнению авторов, происходило с ними после побега на свободу – из собственности (т. е. чего-то неодушевленного и духовно мертвого) они переходили в состояние человека (т. е. приобщались к настоящей жизни) (например: у Странствующей Истины – *advances from a state of chattelism towards that of a woman and a mother* [7, p. 38]). Писательницы не так часто, как авторы-мужчины, говорят об этом прямо, но через те или иные косвенные намеки эта метафора (рабство – смерть) всплывает во многих рассказах рабынь (например, Мэри Принс вспоминала, как ее мать, одевая детей для продажи на торгах, говорила, что одевает их в саван – "See, I am shrouding my poor children; what a task for a mother!" [9, p. 3]). Если дети рождались и выживали, то матери готовы были пойти на любые жертвы ради них. Странствующая Истина отмечала, что материнство наделяет женщину такой силой, что она способна преодолеть любые препятствия (I know'd I'd have him agin. <...> Why, I felt so tall within--I felt as if the power of a nation was with me! [7, p. 45]). Ее, как и Э. Кекли, также волновало, как нужно воспитывать детей, как привить те принципы морали, согласно которым ребенок будет жить дальше.

С темой материнства часто было связано и понятие "home", так как прежде всего оно понималось, как место, в котором могли бы собраться все дети, а мать могла бы быть вместе с ними и воспитывать их (...a home, around whose sacred hearth-stone she could collect her family, <...>, where she could cultivate their affection, administer to their wants, and instil into the opening minds of her children those principles of virtue... [7, p. 72]). Некоторые писательницы, например, Э. Кекли, ассоциировали понятие "home" с местом своего рождения, отмечая, что там оживали воспоминания о собственном детстве, о поцелуе матери, поэтому оно всегда дорого для человека несмотря на то, что там он попал в рабство.

Важной проблемой, затрагиваемой во всех историях рабов, написанных женщинами, является вера и отношение к Богу. В целом в отличие от повествований рабов-мужчин (за исключением особой группы рассказов о религиозном спасении) отношения с Богом у женщин носят более личностный характер, при этом чаще всего они говорят об Иисусе, выделяя его как страдающего и всепрощающего человека, а не сурового и всевидящего Судью. Странствующая Истина, например, описывает его как "мягкого, доброго, хорошего" друга, из которого исходила любовь (...he appeared to her delighted mental vision as so mild, so

good, and so every way lovely, and he loved her so much! [7, p. 67]; I saw him as a friend, <...>, through whom, love flowed as from a fountain [7, p. 69]). Героини историй рабов ведут беседы с Богом, спрашивают его, справедливо ли такое устройство мира (Странствующая Истина), просят у него прощения за свои грехи (М. Принс). Не получив никакого религиозного воспитания, они часто молят Бога о том, что само по себе является грехом. Л. Пике, например, поняв, что хозяин никогда не освободит ни ее, ни детей, просит Бога о смерти белого отца своих детей, но, когда он заболевает и ему становится хуже, она чувствует сострадание и молит Бога помочь ее хозяину обрести веру. После освобождения большинство рабынь становятся членами церкви и по-настоящему обретают веру, тогда они начинают искать в своей религии ответы на многие вопросы и хотят найти истину и настоящую свободу в вере (...I must pray to God to change my heart, and make me to know the truth, and the truth will make me free [9, p. 22]).

Ещё одной особенностью повествований, написанных рабынями, является тема важности устной речи. Они включают в свои произведения религиозные и народные гимны и спиричуэлс чаще, чем авторы-мужчины, которые отдают предпочтение высказываниям белых писателей, религиозных деятелей и философов. Авторы-женщины передают рассказы своих родителей и других родственников о тех членах семьи, которых продали и которых, например, младшие дети не видели вообще. При этом подчеркивается, что эти рассказы повторялись многократно. Кроме того устное слово важно, потому что говорящий наделяет его дополнительными оттенками благодаря своему голосу, тону, словно зачаровывая тех, кто его слушает. Это невозможно передать на письме, что отмечают как белый редактор истории Странствующей Истины, так и те, кто присутствовали на ее выступлениях (The impressions made by Isabella on her auditors, when moved by lofty or deep feeling, can never be transmitted to paper... [7, p. 45]; , in the deepest and most solemn tones of her powerful and sonorous voice. Its effect ran through the multitude, like an electric shock <...> to enchain them longer with her spell [7, p. 119]). В отличие от авторов-мужчин большинство писательниц не говорят о важности обучения (среди рассмотренных нами произведений бывших рабынь лишь Э. Кекли отмечает, что единственным упреком, который она бы могла адресовать своим хозяевам, было то, что они не научили ее читать и писать). Остальные авторы-женщины не сосредотачивают на этом аспекте своей жизни в рабстве особого внимания, они могут мимоходом упомянуть, что научились читать и писать либо нет. Ведь отсутствие образования не мешает, как считала Странствующая Истина, знанию божьего закона в сердце, что, по-видимому, и делало человека свободным.

Значимость имени подчеркивается во всех повествованиях, вне зависимости от гендерной принадлежности автора. Многие авторы отмечали, что после освобождения сменили свое имя/фамилию, чтобы полностью разорвать связь с хозяином (чья фамилия обычно давалась всем его рабам) и выстроить новую

идентичность. Например, Странствующая Истина взяла новое имя, которое, по ее мнению, соответствовало состоянию души и ее новой миссии – выступать в разных городах и нести свое понимание Бога людям. Однако у многих авторов-женщин смена имени была связана с выходом замуж за свободных темнокожих, этим именем они еще раз подчеркивали важность семьи в своей жизни (Л. Пике, Э. Кекли), а не рабскую зависимость от другого человека.

Таким образом, в историях рабов, написанных темнокожими писательницами, можно выделить ряд особенностей, который отличают эти произведения от

повествований, написанных авторами-мужчинами. В первую очередь, авторы-женщины привлекают внимание к невозможности отразить в тексте весь опыт рабынь вследствие деликатности многих его аспектов. Другой значимой особенностью данных произведений является особый акцент на важности семьи и связей со своим культурным сообществом, а также огромной роли устной речи в жизни рабов. Большинство рабынь формирует собственную идентичность под влиянием своей семьи и культурного наследия всей общины; истинная вера становится еще одним утешением в их тяжелой жизни.

Литература

1. Удлер, И. М. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра “невольничьего повествования” в XVIII – XIX веках / И. М. Удлер. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 239 с.
2. Black Writers in Britain 1760 – 1890: an Anthology / eds. P. Edwards, D. Dabydeen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. – 239 p.
3. Craft, W. Running a Thousand Miles for Freedom; or, the Escape of William and Ellen Craft from Slavery / W. Craft. – London, 1860. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/craft/craft.html> (дата обращения: 2.08.2012).
4. The House of Bondage or Charlotte Brooks and Other Slaves, Original and Life-like, as they Appeared in their Old Plantation and City Slave Life; Together with Pen-pictures of the Peculiar Institution, with Sights and Insights into their New Relations as Freedmen, Freemen, and Citizens by Mrs. Octavia V. Rogers Albert. – NY, 1890. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/albert/albert.html> (дата обращения: 2.08.2012).
5. Keckley, E. Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House / E. Keckley. – New York: G. W. Carleton & Co., Publishers, 1868. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/keckley/keckley.html> (дата обращения: 2.08.2012).
6. Louisa Picquet, the Octoroon, or, Inside Views of Southern Domestic Life. – NY, 1861. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/picquet/picquet.html> (дата обращения: 2.08.2012).
7. Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York, in 1828. – Boston, 1850. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/truth50/truth50.html> (дата обращения: 2.08.2012).
8. The Oxford Companion to African American Literature / ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. – NY: Oxford University Press, 1997. – 866 p.
9. Prince, M. The History of Mary Prince, a West Indian Slave. Related by Herself. With a Supplement by the Editor. To Which Is Added, the Narrative of Asa-Asa, a Captured African / M. Prince. – London, 1831. – Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/prince/prince.html> (дата обращения: 2.08.2012).

Информация об авторе:

Сапожникова Юлия Львовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета; (4812)38-00-77, sapojnikova@rambler.ru.

Yulia L. Sapozhnikova – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of the English Language and Interpreting, Smolensk State University.

Статья поступила в редколлегию 28.10.2013 г.